

Е. П. ПРИВАЛОВА

А. Л. ШЛЁЦЕР — АВТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В последнее время внимание исследователей как в Советской России, так и за рубежом все больше и больше начинает привлекать творчество крупного немецкого ученого А. Л. Шлёцера. Однако одна из его книг, как раз та, которую А. И. Тургенев считал чуть ли не лучшим из всего написанного А. Л. Шлёцером, остается до сих пор у нас не только малоизученной, но даже и малоизвестной. Мы говорим об изданной в Германии в 1779 г. книге немецкого историка «*Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder*». Автор предназначал ее не только для своей дочери, которой в эти годы он посвятил ряд книг, но и для широких кругов ее маленьких сверстников, то есть детей в возрасте от 7 до 11 лет. При этом автор имел в виду только «подготовленных» читателей. Такими он считал, во-первых, детей, интересующихся историей, во-вторых, хорошо грамотных и имеющих некоторые познания в области закона божия, географии, естествознания и геометрии.

«*Vorbereitung zur Weltgeschichte*» не была первой книгой А. Л. Шлёцера для детей. Опыт в области детской литературы он приобрел раньше, в 1762—1765 гг., в бытность учителем немецкого языка, а позднее — истории и латыни в так называемой *l'Académie de la X-me ligne*. Это был пансион, открытый К. Г. Разумовским на Васильевском острове в Петербурге, где училось всего шесть учеников в возрасте от 8 до 14 лет: трое Разумовских и три их товарища. Для них и была написана Шлёцером серия так называемых золотых книжечек, т. е. книг карманного формата в золотых переплетах. Тематика серии отличалась разнообразием: военное дело, флот, коммерция, история разных стран и народов. Каждая книжечка имела в виду интересы одного из учеников, которому и посвящалась. Этот опыт сыграл немаловажную роль в становлении Шлёцера как детского писателя.

Незаурядная судьба ожидала «*Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder*». Значительное количество переизданий и переводов свидетельствует о большой популярности этой скромной книжечки. В Германии с 1779 по 1806 г. вышло шесть изданий

произведения Шлёдера. Во Франции появилось 2 ее перевода, в Венгрии 1, в России 5, не считая отрывков, опубликованных в сборниках и журналах.

Первый перевод книги А. Л. Шлёдера вышел в России в 1788 г. под заглавием «Предуготовление к истории для детей». Перевел ее воспитанник Коммерческого училища Д. Риттерслебен. Печаталась она в типографии Московского университета у Н. И. Новикова. Последний раз книга немецкого ученого издавалась в 1829—1830 гг. в переводе и с предисловием М. П. Погодина. Оригиналом для перевода служило шестое издание, выпущенное Шлёдером за два года до смерти, т. е. в 1806 г. Погодинский перевод носил название «Введение во всеобщую историю». Новым здесь были второй том, адресованный подросткам от 14 до 16 лет, и две статьи А. Л. Шлёдера: «К детскому учителю. Не наставление, а благий совет, на опыте основанный» и «Послесловие к 6-му изданию подлинника». В них заключался ценный авторский комментарий к проделанной работе.

Исторической теме в детской литературе тех лет отводилось большое место. Историческая книжка считалась тогда могучим средством политического и нравственного воспитания. Русский подросток второй половины XVIII в. имел в своем распоряжении ряд книг по мифологии и немалое число жизнеописаний, по преимуществу царей и полководцев. Имелась и книга историческая в точном смысле этого слова, но, как правило, весь историзм в ней сводился к сухому изложению событий, к перечислению дат, имен и названий.

Новаторство немецкого ученого заключалось в создании нового типа книги, книги, выдвигающей на первый план теоретические исторические проблемы и обращенной при этом к сознанию ребенка младшего возраста. В сущности произведение А. Л. Шлёдера было бы правильнее назвать не «предуготовлением к истории» вообще, а «предуготовлением к философии истории».

Замысел детской книги А. Л. Шлёдера был тесным образом связан с его научным мировоззрением. Из понимания истории как науки вытекали и его требования к преподаванию истории.

О характере обычного преподавания истории ученый говорил иронически. Так, «домашние учителя» истории, читаем мы в его «Послесловии» к последнему изданию книги, «проповедуют очень сносно и с Пандектами коротко знакомы, но об истории знают меньше иного мастераго».¹

Отрицательно относился Шлёдер и к использованию уроков истории в качестве демонстрации перед детьми положительных и отрицательных героев. «От нравочений тщательно я старался удерживаться, — писал он в предисловии к 6-му изданию, — нет ничего несноснее для пожилых читателей и бесполезнее для мо-

¹ Введение во всеобщую историю для детей, ч. 1. М., 1829, с. XXIII—XXIV.

лодых неуместного проповедования в истории».² Отрицал автор и широко применяемое заучивание наизусть «имен патриархов до и после потопа».

Для научного изучения истории, по мнению Шлёцера, необходимо, во-первых, «знать перемены», происшедшие на земле за истекшие тысячелетия, во-вторых, «изыскивать причины, почему какая-нибудь земля сделалась так, а другая иначе»;³ в переводе на современный язык это означает знание фактов и осмысление их.

Детский мозг не был подготовлен для подобных понятий. Подготовка к усвоению их и должна была служить книга Шлёцера. «Здесь предлагается не всеобщая история, — писал автор, — но географическое, естествословное, политическое и историческое введение в оную».⁴ Какой глубокий смысл крылся за этим положением, видно из следующего высказывания Шлёцера: «Мне казалось до крайности неестественным растабарывать о государствах, царях и завоеваниях с ребенком, который не имеет ни малейшего понятия о гражданском обществе, о *contrat social*, о *force publique* и т. д. Если же ребенок не способен понимать такие мысли, то для его покоя, для чести науки лучше и не мучить его историею».⁵

Автор глубоко продумывал не только содержание, но и форму своего произведения: «С пространными детскими книжками, в коих забавный язык составляет главную цель автора, в коих ученые мысли ныряют кое-где, как пескари в реке, никогда не мог я ничего сделать. (У других были, может быть, другие опыты). Удить их оттуда детям очень тяжело и только что поощутся».⁶

К себе как писателю ученый предъявлял строгие требования: «сжатую краткость», «сосредоточение мыслей», «выбор происшествий и примеров». Все это вместе с делением книги на главы, а глав на параграфы помогло Шлёцеру уложить большой материал на семидесяти страницах книжки небольшого формата.

Небольшие размеры статьи не дают возможности остановиться на всех проблемах, затронутых автором. Ограничимся двумя, наиболее сложными. Какова роль человека на земле и какими свойствами он обладает? В чем польза гражданского общества и как оно организовалось?

«Предуготовление к истории» начиналось с традиционного рассказа о сотворении мира. Библейская легенда нужна была автору как методический прием, подводящий десятилетнего ребенка к усвоению сложных понятий. Читая лекции юношеству, Шлёцер избегал говорить «о шести днях творения, об адамовом

² Там же, с. VII.

³ Предуготовление к истории для детей. М., 1788, с. 69.

⁴ Введение во всеобщую историю для детей, ч. 1, с. XI.

⁵ Там же, с. XVI—XVII.

⁶ Там же, с. XIV.

ребре, о Исавовом блюде чечевицы». Главной заботой создателя был человек и его благополучие: «Земля была так устроена, что люди на ней жить и обитать могли». ⁷ Создав мир, бог уклонился от всякого вмешательства в его дела. Такова была действительская позиция автора. Правителем земли стал наделенный разумом человек: «Могущественная сия тварь, которую разум делает небольшим богом, говорит как творец какому-нибудь болоту: „Да соберутся воды в особенное место, и да будет прочее сухо“, и они собираются. Он говорит полуострову: „Будь островом“, и остров будет». ⁸

О созидательной роли человека, о строительстве им целых государств Шлёцер умел иногда рассказать очень образно и наглядно: «Теперь дают голландцы в княжеских дворцах концерты, где прежде в болотах квакали лягушки». ⁹ «Все сие может человек делать!» — с гордостью восклицал автор. ¹⁰

Библия помогла автору обосновать еще одну идею, особенно ему близкую и дорогую: идею природного равенства людей между собою. Равенство людей, убеждает маленького читателя Шлёцер, является естественным следствием сотворения Адама и Евы. Говоря о равенстве, автор утрачивает присущий ему лаконизм стиля. Речь его приобретает эмоциональный характер: «Благородная девица! прародитель твой также и мой. Его зовут Адам, а не господин Адам. Все царицы твои родственницы, но не гордись — служанка твоя, сия бедная и негодная девка, и готтентотская женщина также твои родственницы. Все люди братья и племянники». ¹¹ «О дуры!» — с презрением восклицал писатель, вспоминая английских купчих, которые «не верят, что их черные невольницы такие же люди, как и они».

Читатели книжки видели вокруг себя людей самых разнообразных характеров и состояний: добрых и злых, умных и глупых, невежд и просвещенных. Многим это казалось вполне естественным и закономерным. Большинство вовсе не задумывалось над этим явлением. Чтобы внушить потомкам «одной пары» мысль о равенстве людей, Шлёцеру пришлось немало потрудиться над сочинением маленького, очень примитивного и вместе с тем не лишнего остроумия рассказа.

Героиней его была сверстница читателей, «белая как снег и пригожая как куколка» принцесса Изабеллушка. Многие люди прислуживали «маленькой твари», делая это из уважения к ее отцу, «но дурочка сия думала, что для нее». Увидав в окно грязных и оборванных ребятишек, она окончательно уверовала в свое превосходство. «Итак, — делилась она мыслями с горничной и волосочесом, — я должна конечно быть другой человек, а не та-

⁷ Предуготовление к истории для детей, с. 6.

⁸ Там же, с. 11.

⁹ Там же, с. 14.

¹⁰ Там же, с. 20.

¹¹ Там же, с. 7—8.

кой, как сии простые, глупые и негодные люди».¹² Слуги поддакивали маленькой госпоже.

Тогда выступила на сцену наставница, устами которой говорил автор: «Сии простые и замаранные люди такие же точно, как и ты, принцесса! А что касается до того, что вы лучший вид имеете, нежели они, сему не вы причиною, любезное мое дитя! И так не гордитесь сим. <...> Если бы ты, принцесса, выросла между свиньями, то, клянусь тебе, что ты была бы поросенком. Если бы, напротив того, батюшке вашему угодно было вместо вас принять простую девку <...> и воспитывать ее столь же рачительно и с таким попечением, как вас, то сии простые отвратительные и глупые девки были бы столь знатны, разумны и пригожи, как вы».¹³

Шлёцер не отрицал воздействия на человеческий характер климата, природы, одежды, пищи. Но, сын рационалистического века, он больше всего верил в воздействие просвещения и воспитания. На эту тему на страницах книжки рассыпано немало изречений: «Только общение с разумными существами делает ребенка разумным», «Просвещение столь прилипчато, как язва и оспа», «Когда старые люди — воры и разбойники, то будут красть и дети», «Просвещение или варварство зависит единственно от воспитания». Заглядывая в будущее, автор большое место отводил просветительской роли учителя.

Последние главы книги посвящались политическим и социальным вопросам. Среди них центральное место занимала проблема общественного договора. Шлёцер представлял сложность ее для понимания ребенка. Он попытался и здесь найти ниточку, ведущую от детского опыта к научному понятию. Подход велся издалека: «Где много детей вместе, там бывает ссора; где много взрослых, там также заводится ссора в продолжении времени. К первым является папа с розгою, и мир водворяется. Но если подерутся между собою большие люди, целые семейства с семействами, десять семейств на одной стороне с десятью семействами на другой стороне, кто может водворить мир? Никто!».¹⁴ Бывали случаи, когда находился «честный человек», который приходил их мирить, «но что помогут одни слова»? Выход был только один — организация государства, без которого человечество не могло расти и развиваться. Девяносто девять человек из ста должны были избрать из своей среды «честнейшего человека» и сделать его «могучим судьей», т. е. правителем над собой.

Между будущим правителем и гражданами завязывался долгий разговор. Читая его, мы как бы окунаемся в мир детства. Здесь, как и везде, Шлёцер старался держаться на уровне детских представлений. Финал разговора характерен для всего этого забавного по приемам и серьезного по мысли диалога.

¹² Там же, с. 33.

¹³ Там же, с. 33—34.

¹⁴ Введение во всеобщую историю для детей, ч. 1, с. 63.

Кандидат в «судьи» колебался. Его страшило непослушание. Избиратели клялись поднять в его защиту все свои кулаки и усмирить непокорного: «Из одного маленького, но разумного человека сделаем мы тебя самым сильным богатырем». «Ну, если так, я согласен, — отвечал «честный человек». — Таким образом сделался он судьей самовластным, и отселе все пошло спокойнее». ¹⁵

Мир, впрочем, недолго длился. Рядом с «добрым государем», «мощным защитником», «мощным учителем», человеком большого труда и широкого образования, стояли тираны, отравленные сладким ядом богатства и власти. «Такими-то злыми людьми наполнена история».

Сила человеческого разума. Равенство людей. Огромная роль воспитания. Общественный договор. Добрый государь и государь-тиран. В «Предуготовлении к истории для детей» с читателем говорил XVIII век, великий век Просвещения.

Шлёцер взял на себя нелегкую задачу. Сколько труда и мысли было вложено в эту книжку, мы узнаем из слов автора: «Как долго сидел я за этой книжечкою, стыжусь почти и признаться. По целым дням думал я, как иной достойный духовный проповедник за проповедью, *что* я хотел сказать; по другим исследовал, *чего* я не хотел сказать и, наконец, *как* должен сказать». ¹⁶

¹⁵ Там же, с. 66.

¹⁶ Там же, с. XVIII.